

Первая годовщина Октября: «старое» и «новое» в советской праздничной культуре

Воздействие церемоний на неграмотные или малограмотные массы в переломные моменты истории может быть более глубоким, чем воздействие печатной культуры. Как замечает автор предисловия к важному сборнику о роли символов в культуре Средневековья, «... политическое зрелище, публичное искусство, повседневные жесты и высказывания могут иметь гораздо больший смысл и значение для современников, чем самые красноречивые, но часто остающиеся непрочитанными политические трактаты»¹. В периоды революционных потрясений роль политико-культурных элементов в качестве средства популяризации новых идей и образов еще более возрастает: перед новыми элитами встает задача объяснить значение колоссальных перемен, а без ярких символов, ритуалов, церемоний решить эту задачу невозможно. Не случайно специалисты по истории Французской революции тщательно исследовали революционные праздники и революционные символы и поставили вопросы: как революция привнесла политическое содержание в традиционные празднования, как проходила борьба и взаимодействие между привычными народными ритуалами и ритуалами республиканскими². Эти вопросы весьма важны и для исследователей российской революции, и представляется не случайным, что они ставились и зарубежными³, и российскими исследователями⁴, в центре внимания которых находились, прежде всего, особенности формирующейся советской культуры. Возвращение к проблеме может способствовать более глубокому пониманию политической ситуации Гражданской войны, дать материал для размышления над одной из важных проблем советской истории: в какой степени элиты формировали коллективное сознание, а в какой – опирались на уже сформировавшиеся у населения представления. Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть элементы, из которых

¹ Wilentz S. Introduction. Teufelsdröckh's Dilemma: On Symbolism, Politics, and History // Rites of Power. Symbolism, Ritual, and Politics Since the Middle Ages / Ed. by S. Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 4.

² Hunt L. Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles, 1984. Pp. 65-68, 207; Озуф М. Революционный праздник. 1789-1799. М., 2003.

³ Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, Oxford. 1989.

⁴ Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: Пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). Казань, 2005.

складывался советский праздничный канон. В данной статье это будет сделано на материалах истории первой годовщины Октября – наиболее масштабной политической акции Гражданской войны.

Для декорирования праздничного пространства как в столичных городах, так и в провинции использовались флаги, гербы с изображением серпа и молота, арки, еловые ветви. Корреспондент «Вестника жизни» писал о своем впечатлении от московского празднования: «От ели в воздухе носится ядреный, бодрящий запах. Пролетарские святки...»⁵. И после революции еловые ветви оставались квазисакральным символом. Популярность еловых ветвей в качестве важного элемента праздничного убранства можно объяснить и их дешевизной, и тем, что они и ранее были распространенным и типичным видом праздничных украшений: обычай украшать еловыми и пихтовыми ветвями праздничное пространство города «восходил к дореволюционной религиозной православной (а от нее – к языческой, дохристианской) традиции, и стал еще до революции органичным элементом городской праздничной культуры»⁶.

Три арки были выстроены в Петрозаводске. Этот символ являлся частью культуры дореволюционной эпохи – триумфальная арка украшала общественную пристань Петрозаводска в 1914 г.⁷. Если ее значение выражал лозунг «За Веру, Царя и Отечество», то смысл арки, украсившей площадь 25 октября в праздничные дни 1918 г., заключался в лозунге «Да здравствует Совет народных комиссаров!». Распространенное в дореволюционной культуре украшение использовалось и после 1917 г., оставаясь важной частью советского политического стиля.

Важной проблемой для организаторов торжеств была проблема оповещения горожан о праздновании. 6 ноября 1918 г. в 12 часов заводские гудки ознаменовали начало московского празднования⁸. Выбор подобного звукового оформления не был случаен. Как отмечает современный исследователь, после 1905 г. заводские гудки изменили свое назначение: если ранее они регулировали трудовой день рабочих, то в ходе первой российской революции они стали сигналом к забастовкам, «перехватили «освободительную» функцию у набатных колоколов»⁹. Организаторы праздника

⁵ Барабанов Н. Картины октябрьских празднеств // Вестник жизни. 1919. № 3-4. С. 116.

⁶ Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 125.

⁷ Фотоизображение опубликовано в издании: Сады и парки в истории Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 150.

⁸ Дашков Л. На празднестве Революции // Рабочий мир. Орган Московского центрального рабочего кооператива. 1918. № 18. 24 ноября.

⁹ Лапин В.В. Петербург. Запахи и звуки. СПб., 2009. С. 127.

использовали звуковой сигнал, закрепившийся в российской революционной традиции как призыв к протестным акциям.

Важность проблемы оповещения горожан о начале торжеств осознавалась и организаторами празднования в Петрограде, эта проблема была поставлена уже на первых совещаниях Центрального бюро организации октябрьских торжеств. 19 сентября 1918 г. председатель Петроградского совета профсоюзов Н.М. Анцелович говорил о том, что «надо разбудить обывательщину. Для этого [праздничный – К.Г.] день начать следовало бы сильным колокольным звоном с громкими звуками трубы»¹⁰. Один из организаторов праздника говорил о необходимости учитывать настроения горожан, безразличных к политическому смыслу праздника, использовать привычные для них элементы ритуала.

Эта идея - привлечь дополнительное внимание к празднику с помощью привычного для горожан звука – была поддержана М.Ф. Андреевой, которая на заседании Петроградского Совета 24 сентября предложила использовать колокольный звон, «конечно, не церковный»¹¹. На заседании представителей культурно–просветительных отделов 2-го района Петрограда 9 октября была высказана идея «поставить на площади большой колокол, сняв его для этого с какой-либо церкви, и звоном привлекать граждан для торжественного объявления значения торжеств»¹².

Если организаторы праздника в Петрограде предлагали использовать колокола, снятые с церквей, то в программе празднования Октября в Олонецком уезде колокольный звон напрямую связывался с сакральным характером праздника: в плане торжеств говорилось о том, что «в 9 час. утра во всех церквях уезда в течении 15 минут должен быть колокольный звон, который возвестит наступление великого праздника пролетарской Пасхи»¹³. Отношение к празднику как к особому времени требовало и использования специфического звукового фона, воспоминанию о революции необходимо было придать сакральное значение. Трудно судить о том, насколько было распространено подобное представление, но его попытались воплотить в жизнь организаторы торжеств и в таком географически отдаленном от Петрограда и Петрозаводске городе, как Витебск. Вопрос о совмещении такого элемента традиционной праздничной культуры, как колокольный звон, с революционными лозунгами и плакатами обсуждался членами

¹⁰ Организация октябрьских празднеств // Северная коммуна. 1918. 21 сентября.

¹¹ Заседание Петроградского Совета 24 сентября [1918 года] // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 2.

¹² Протокол заседания представителей Культурно-просветительных отделов 2-го городского района 9 октября 1918 года // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 204. Л. 4.

¹³ Программа празднования Отдела народного образования при Олонецком губсовдепе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15/179. Л. 76.

Витебской комиссии по празднованию годовщины Октябрьской революции¹⁴. Инициатива вызвала недовольство авторов «Известий ВЦИК»: «Мы думаем, это совершенно неуместно, хотя бы и для вящего торжества, пользоваться для пролетарского праздника этим специальным поповским инструментом»¹⁵. Публикация в центральной советской газете могла восприниматься как указание для организаторов торжеств в иных городах, но по свидетельству корреспондента, давшего обобщенную характеристику празднований Октября в провинции, празднование годовщины революции в Воронеже сопровождал «колокольный пасхальный неумолчный перезвон»¹⁶. Представление о том, что празднование годовщины революции должно начинаться с колокольного звона, едва ли формировалось праздничными комиссиями столичных городов. Вернее было бы предположить, что отношение к празднику как к особому, сакральному времени было частью политического сознания организаторов праздника в различных городах.

Идея о том, что колокольный звон должен стать сигналом, созывающем горожан к празднику, не была воплощена в жизнь ни в Петрограде, ни в Петрозаводске, - начало праздника в обоих городах было ознаменовано салютами. Салюты были частью праздничной культуры России, начиная с эпохи Петра I, являясь своеобразным символом военных успехов Империи. Этот праздничный элемент был воспринят и после 1917 г. По мнению В.В. Лапина, «захват власти вооруженным путем, триумфальный характер празднований годовщин Октябрьского переворота – все это делало выстрелы органичной частью коммунистических торжеств»¹⁷. Салюты являлись и важной частью «царских дней»¹⁸.

В структуре празднований в различных городах заняли свое место обряды сожжений чучел врагов революции. Л.Д. Троцкий писал Л.Б. Каменеву о том, что уничтожение чучела В. Вильсона «...должно иметь народный плебейский характер»¹⁹. Корреспондент «Бедноты» отмечал: «Давным-давно был у наших предков хороший обычай: праздновали наступление весны и жгли на этом празднике чучела зимы. Весна – новая жизнь, расцвет всех сил природы, а зима – смерть всего живого. Пролетарская весна

¹⁴ Шамшур В.В. Празднества революции. Минск, 1989. С. 26.

¹⁵ В провинции. Провинциальная хроника // Известия ВЦИК. 1918. 23 октября.

¹⁶ Советская провинция в великую годовщину (Обзор I-й) // Известия Тверского Губернского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 12 ноября.

¹⁷ Лапин В.В. Указ. соч. С. 126.

¹⁸ Петрозаводск не был в этом отношении исключением: пушечные выстрелы начинали празднование 200-летия Петра I и открытие памятника основателю Петрозаводска в июне 1873 года: Капуста Л.И. Праздники старого Петрозаводска // Север. 1993. № 6. С. 135.

¹⁹ Телеграмма предсовдепа [Л.Б.] Каменеву // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 814. Л. 5.

началась в октябре и похоронила суровую зиму – старый мир, мир угнетения, мир, где хорошо жилось только дармоедам и где была вечная каторга для тружеников»²⁰. В глазах корреспондента апелляция к опыту «предков» делала готовящуюся церемонию легитимной. Традиционный элемент российской праздничной культуры наполнялся политическим содержанием²¹.

С сожжениями чучел нередко соединялся иной устойчивый элемент праздничной традиции – фейерверк²². Ю.В. Готье сравнил московские фейерверки с сакральным действием: «вечером (6 ноября – К.Г.) была своего рода пасхальная ночь: у Хр[иста] Спасителя жгли фейерверк в течение около получаса...»²³. Н.П. Окунев сопоставлял эти фейерверки с монархическими церемониями: «Может быть, такого длинного и многофигурного сжигания огней Москва никогда и не видывала, или не видела со времен коронации Николая II»²⁴. Показательно, что оба москвича, весьма критично настроенные по отношению к большевикам, упомянули в своих дневниках о фейерверках – по всей видимости, эти акции имели определенный резонанс в городе.

Составным элементом празднований, как и до революции, стали церемонии открытия памятников. В соответствии с планом «монументальной пропаганды» российские и западные революционеры вспоминались как предшественники большевиков. Организаторы празднований не могли игнорировать и образы эсеров – своих противников по социалистическому лагерю: в Москве был установлен памятник убийце великого князя Сергея Александровича И.П. Каляеву²⁵, а в Петрозаводске обсуждалась идея установки памятника А.М. Кузьмину, казненному в 1908 г. за покушение на петербургского чиновника. 7 ноября 1918 г. в честь А.М. Кузьмина была переименована одна из улиц Петрозаводска²⁶. Организаторы торжеств апеллировали к субкультуре революционного

²⁰ Гори дотла, старый строй! // Беднота. 1918. 1 ноября.

²¹ Подробнее об организации и проведении сожжений в первую годовщину Октября см.: Годунов К.В. Образы врагов революции в праздновании годовщин Октября: сожжение изображений противников (1918-1920 гг.) // Вестник Пермского университета (серия «История»). 2015. № 2. С. 104-112.

²² «В XVII веке пиротехника уже прочно вошла в систему декоративно-оформительского искусства», отмечает исследователь российской праздничной культуры: Немиро О.В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Л., 1987. С. 157.

²³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 194.

²⁴ Окунев Н.П. Записки москвича. Кн. 1. М., 1997. С. 230.

²⁵ Памятники пролетариата // Вестник жизни. 1919. № 3-4. С. 120.

²⁶ Подробнее об образе А.М. Кузьмина см.: Волохова В.В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // Carelica. Научный электронный журнал. Режим доступа: <http://carelica.petrso.ru/CARELICA/Journal.html>. Вопрос о том, как использовался образ

подполья, в поле влияния которой находились и большевики, образы героев революции они не могли не использовать.

Характерной чертой празднования годовщины Октября стало участие в торжествах военных сил. В Москве войсковые части Красной Армии начинали праздничную демонстрацию 7 ноября²⁷. В Петрозаводске военные парады стали центральной частью торжеств во второй день праздника²⁸. Это не было уникальной особенностью советского праздничного стиля: связь военной культуры со сферой властных отношений была чрезвычайно сильна в императорской России²⁹. Участвовали военные части и в «праздниках свободы» 1917 г.

Важной частью празднований стали акции государственного попечения. Москвичам выдавались хлеб, конфеты, варенье, рыба, сливочное масло, для детей был организован бесплатный ужин³⁰. В Петрозаводске к празднику должны были быть организованы бесплатные обеды «для бедняков»³¹ и проведена «частичная амнистия»³². Устроители торжеств пытались проводить традиционную для российской власти политику кормления³³, что было особенно важно в момент продовольственного кризиса. Праздник сохранял традиционное назначение – в необычайно тяжелых условиях Гражданской войны организаторы торжеств стремились сделать его временем отдыха, гуляний, угощений, наполняя эти элементы политическим смыслом.

Можно сказать, что большевики и их союзники, заявляющие о себе как о борцах с традицией, были вынуждены в первые годы своей власти и опираться на некоторые ее элементы. Это подтверждает мнение некоторых современных исследователей о том, что

петрозаводского революционера, идея памятника которому возникла на февральском этапе революции, получила развитие после Октября и была воплощена в жизнь в сталинскую эпоху, заслуживает, как представляется, специального исследования.

²⁷ Процессии Рабочих Красной Армии // Вечерние известия Московского Совета. 1918. 8 ноября.

²⁸ Празднование годовщины Революции в Петрозаводске // Олонецкая беднота. 1918. 20 ноября.

²⁹ Лапин В.В. Трехсотлетие Дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613-2013. С. 164-181.

³⁰ Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*. Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 95.

³¹ [Протокол заседания Губернского Исполнительного Комитета 4 октября 1918 г.] // НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19/141. Л. 199.

³² Там же.

³³ Т.С. Кондратьева пишет о советской системе распределения как о результате организации власти, «практикующей опеку и легитимирующей себя за счет кормленческой функции»: Кондратьева Т.С. *Кормить и править: О власти в России XVI-XIX вв.* М., 2009. С. 157.

советскую культуру межвоенных лет можно описать не только и не столько как момент разрыва со старыми культурными формами, но и как гибрид старого и нового³⁴.

Некоторые элементы праздничных ритуалов, заимствуемые организаторами празднований Октября, формировались столетиями (это, в частности, касается обряда сожжений чучел), иные были частью субкультуры революционного подполья, получившей фактически государственный статус после февраля 1917 г.³⁵

Утверждение К. Биннса о том, что советские праздники заменили собой праздники имперского периода³⁶, нуждается в дополнении. Между двумя эпохами пролегал важный для праздничной культуры промежуточный этап – революционные «праздники свободы». Праздники Февраля стали временем перехода от праздничной культуры имперской эпохи к культуре советской, представляя собой соединение традиций военного парада, религиозной церемонии и революционной демонстрации³⁷. Эти элементы в явном или скрытом виде войдут в советский праздничный канон. Религиозная церемония исчезает из советских празднований, но можно говорить о том, что организаторы праздника стремились придать им сакральное значение (об этом свидетельствуют, в частности, обсуждение особого звукового фона праздника, характеристики годовщины Октября в качестве «пролетарской Пасхи»). Организаторы праздника пытались описать масштаб происходящих в Советской России изменений в том числе и с помощью религиозных метафор, воспоминанию о революции они придавали религиозное напряжение. Демонстрация и парад сохранили свое значение, процессы, начатые во время первых революционных праздников (а иногда и ранее), получили свое развитие и осенью 1918 г.

Перед устроителями торжеств стояла задача вовлечения различных групп населения в празднования (не случайно разнородные элементы праздника подстраивались под рабочих, красноармейцев, детей и подростков). В некоторых случаях организаторы

³⁴ Исследуя особенности религиозного мышления в ранний советский период, К. Петрон приходит к выводу: «Советский случай укрепляет аргументы европейских историков о непрерывности, лежащей в основе даже самых интенсивных преобразований, и демонстрирует сложное взаимодействие традиционного с современным в межвоенный период»: Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis, 2011. P. 74.

³⁵ Тезис о том, что левым силам удалось навязать свой политический язык, символику и ритуалы иным политическим силам, обоснован в работе: Колоницкий Б.И. *Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года*. СПб., 2012.

³⁶ Binns C.A. *The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System*. Man. 1979. No. 14. P. 588.

³⁷ Stites R. *The Origins of Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution // Symbols of Power: the Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe*. Stockholm, 1987. P. 25; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 36-57.

праздника призывали использовать понятные и привычные для них элементам ритуала (Троцкий апеллировал к плебейской культуре, а Анцелович говорил о необходимости учесть позицию «обывательщины»). Вместе с тем, не следует преувеличивать степень прагматизма элит, схема «власть формирует, а население усваивает предлагаемую политическую культуру» представляется не вполне точной. Сами организаторы находились в поле влияния предшествующих традиций.

Сходство символического сознания отчасти объясняет сравнительное единообразие элементов формирующегося праздничного ритуала в условиях отсутствия четких предписаний из центра, слабо налаженной коммуникации между городами, между столицами и регионами. Одновременно и независимо друг от друга организаторы праздника в различных городах действовали схожим образом. Ориентация на предшествующие традиции оказала на унификацию праздника не меньшее воздействие, чем целенаправленные усилия организаторов торжеств в Москве и Петрограде. Заимствуя разнородные элементы празднований, большевики вольно или невольно играли роли, отведенные им различными накладывающимися друг на друга политико-культурными традициями.